

Услышав это, Хань Мин повернулся к Дун Яо.

Встретившись с ним взглядом, он спросил:

— Причина?

В следующий миг Дун Яо усмехнулся.

Это был не привычный для него язвительный смешок, а тихий, вкрадчивый смех, в котором сквозило нечто неуловимое. Сейчас владыка походил на зверя, слишком долго томившегося в неволе. Одиноким волк, который уже давно, звено за звеном, перетёр оковы своего плена, но всё ещё таился в беспросветных сумерках бескрайней пустоши, сдерживая хищный порыв.

— Причина? — эхом отозвался Дун Яо.

Он лениво похлопал скрытым в ножнах клинком по лежавшим рядом бумагам с отчетами.

— Всё просто: я не хочу соглашаться. А раз не хочу, то и согласия моего не будет.

Стоило ножнам коснуться документов, как те мгновенно рассыпались в прах, исчезая без следа. В действие вступила «Узурпация» — разрушительный дар Дун Яо.

Секунда — и этот истинный правитель наложил вето: и на физическом уровне, уничтожив бумаги, и на ментальном.

При этом его взгляд ни на мгновение не оторвался от Хань Мина. Ощущение того, что тебя держит на прицеле опасный хищник, окончательно лишило Хань Мина последних иллюзий.

Он спокойно посмотрел на Дун Яо.

Тёмный глухой мундир небрежно накинут на плечи владыки. Сегодня под ним была простая чёрная рубашка без привычной кожаной портупей для оружия, отчего его сильное тело, излучавшее первобытную агрессию, приковывало к себе всё внимание.

Его глаза, отливавшие глубокой зеленью первобытных джунглей, смотрели тяжело и сурово, напоминая о жестоком законе выживания: сильный пожирает слабого.

И это была лишь малая часть того, что Дун Яо перестал скрывать. К этой безмолвной охоте он готовился давно и тщательно.

Хань Мин почувствовал глухое раздражение.

До сегодняшнего дня он ещё допускал мысль, что выходка Дун Яо на приёме с двумя тронами — лишь тонкий политический расчёт, попытка выманить из тени заговорщиков, мечтающих о перевороте. Но после этого разговора стало ясно: нет никаких заговоров, ловушек и многоходовок. Два стоявших рядом кресла оказались не минутной прихотью, а тщательно продуманным капканом, призванным пресечь любую попытку побега.

Он с самого начала искал разгадку не там.

Самым сильным и глубоким чувством Дун Яо к нему было не доверие и не подозрительность. Это была любовь — слепая, яростная, самая неуправляемая и непредсказуемая из всех стихий.

И именно с этой силой Хань Мин желал иметь дело меньше всего.

Человеческие эмоции тяжело разложить по полочкам, поэтому для собственного удобства Хань Мин всегда оперировал строгими, измеримыми понятиями: доверием, сомнением, жадой контроля. Но любовь... Любовь была бушующим хаосом, и любая попытка её измерить давала лишь непредсказуемые, опасные величины.

Ему на всю жизнь хватило воспоминаний о том, к какой катастрофе привела абсолютная, стопроцентная любовь его матери. Чужих чувств он не хотел и в них не нуждался.

К тому же он люто ненавидел быть дичью.

В безумные, кровавые годы, проведённые в Северном секторе, он насмотрелся на подобные взгляды хищников. И как бы Дун Яо ни сдерживал себя, в глубине его души спал точно такой же зверь — ещё более алчный и безжалостный, чем те ублюдки с Севера.

Все эти годы Хань Мин менял покровителей и рвался к вершинам власти лишь ради одного — навсегда избавиться от унижительной слабости незащитной жертвы.

Теперь правила игры изменились. Он сам решает, кто охотник, а кто добыча.

Оставалось лишь выяснить, удастся ли ему вернуть к реальности этого ослеплённого чувствами безумца.

— Если не в силах сдержать агрессию, зачем портить отчёты? — спросил Хань Мин. — Можем спуститься в тренировочный зал, я помогу тебе выпустить пар.

Ему было плевать, насколько сильна жажда обладания в душе этого человека.

Пока Дун Яо держал себя в руках, всё было в порядке. Но раз уж тот решил перейти к делу, Хань Мин заставит его уяснить одну простую вещь: хватит ли у него сил, чтобы диктовать свои

условия?

К тому же это отличный шанс использовать свой врождённый дар во время боя и измерить истинный уровень чувств Дун Яо.

Придворные Восточного королевского дворца славились умением вовремя уходить в тень.

Ещё во время обсуждения сегодняшнего предложения многие заподозрили неладное. Когда же Дун Яо наложил решительное вето на результаты голосования, обстановка в зале заседаний накалилась до предела, заставив присутствующих похолодеть от страха.

Никому не хотелось оказаться между молотом и наковальней в конфликте двух первых лиц Восточного сектора, поэтому чиновники поспешно собрали бумаги и тихо покинули зал.

В помещении остались лишь двое: Ань Ин, обожавший подобные драмы, и абсолютно безучастный к происходящему Лин Чжоу.

Но прежде чем Дун Яо успел ответить с холодной усмешкой, молча наблюдавший за сценой Ань Ин подал голос. Правда, обратился он не к владыке, а к Хань Миню:

— Господин Хань Мин, мне выпала честь тренироваться с вами несколько дней назад, и ваше мастерство до сих пор восхищает меня. Ваши советы помогли мне лучше понять суть моего собственного таланта. Я как раз хотел обсудить это с вами после собрания и набрать смелости попроситься на ещё один спарринг... Но, кажется, вы уже заняты?

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— К слову, в последнее время вы слишком много тренируетесь. Боюсь, вы можете переутомиться. Я слышал, ваш спутник, господин Лин Чжоу, тоже выдающийся боец — говорят, он способен сражаться на равных с самим Восточным владыкой. Жаль, я прибыл в Восточный королевский дворец недавно и ещё не видел его в деле. Может быть, господин Лин Чжоу согласится подменить вас в этом спарринге? — Ань Ин на секунду замялся, виновато улыбнувшись. — Простите, если лезу не в своё дело. Просто тренировки — штука опасная, всегда есть риск получить травму, а мне так не хочется, чтобы вы изнуряли себя.

Хань Мин слегка приподнял бровь.

Что и говорить, притворная забота Ань Ина лилась рекой, вот только яд в его сладких речах предназначался вовсе не Хань Миню. Уж неизвестно, чем эти двое насолили дипломату, но сейчас он нагло стравливал Дун Яо и Лин Чжоу.

За витиеватыми извинениями Ань Ина крылся простой и однозначный призыв: «Ну же, побейте друг друга!»

С другой стороны, Хань Мин и сам давно хотел нащупать границы дозволенного в отношениях с этой пресловутой Волей Вселенной.

Поначалу Лин Чжоу послушно выполнял любые указания, но недавно перешёл черту простого телохранителя — сам, без всякой просьбы, предупредил о том, что Ань Ин пытается обольстить Попугая. Это явно выходило за рамки банальной заботы о безопасности.

Как далеко он готов зайти? Ответ на этот вопрос должен был показать, какими ресурсами Хань Мин располагает на самом деле.

Хань Мин предпочёл промолчать и посмотреть, что будет дальше.

В конце концов, даже если не брать в расчёт Лин Чжоу, продержаться против Дун Яо в реальном бою целых три минуты, чтобы считать его чувства, было задачей почти невыполнимой. Куда проще судить о намерениях владыки по его реакции.

Хань Мин своим молчанием дал негласное согласие. Дун Яо и Лин Чжоу на мгновение переглянулись.

Но если на Хань Мина они смотрели совсем иначе, то этот короткий обмен взглядами так и дышал взаимным, глубоким отвращением.

Дун Яо ловко перехватил клинок обратным хватом и, слегка выдвинув лезвие из ножен, небрежно бросил:

— Что скажешь... разомнёмся?

Дун Яо действительно не переносил Лин Чжоу на дух.

Его раздражало всё: и эта нелепая байка про потерю памяти, и одежда нахала, которая буквально кричала о том, кому тот принадлежит. В то время как сам Дун Яо из уважения к Хань Миню до боли сжимал зубы и сдерживал свои порывы, этот выскочка играючи пересёк все дозволенные границы. И всё из-за какого-то дурацкого склероза?

Смешно. Сколько бешеного пса ни дрессируй, домашним он не станет.

Согласие Дун Яо не удивило Хань Мина — собственнические инстинкты у этого лидера всегда зашкаливали. По-настоящему его поразила реакция Лин Чжоу. Тот спокойно кивнул:

— Разомнёмся.

Неужели благосклонность Воли Вселенной распространялась и на такие приземлённые вещи, как устранение навязчивых ухажёров?

Звучало дико.

К тому же Дун Яо, обладавший колоссальной силой, по всем законам мироздания тоже должен был входить в число любимчиков судьбы. Но судя по тому, с какой беспощадностью Лин Чжоу ринулся в атаку с первых же секунд боя, ни о каком божественном милосердии не шло и речи.

И всё же, что крылось за этим безумием? Был ли сам Хань Мин абсолютным приоритетом для Лин Чжоу, или границы дозволенного для Воли Вселенной просто лежали гораздо глубже, чем он предполагал?

<http://bllate.org/book/18306/1755324>